

УДК 349

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS76902>

Право цифрового общества: актуальные проблемы и пути развития¹

© Н.В. Разуваев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается цифровизация правопорядка как важнейшая тенденция развития пост-современного общества. Автор полагает, что попытки противопоставить обществу постмодерна цифровому обществу являются научно несостоятельными по ряду причин. Во-первых, согласно принятому в литературе консенсусу, «постсовременное (или постиндустриальное) общество» представляет собой стадию социокультурной эволюции, когда высокие, в том числе информационные, технологии начинают играть ведущую роль, определяя дальнейшее направление развития человеческой цивилизации. Во-вторых, культурная, социальная и политико-правовая неопределенность эры постмодерна не только не разрешается, но в какой-то мере усугубляется в ходе цифровизации общества и правопорядка. Таким образом, по мнению автора, право цифрового общества развивает те тенденции, которые в целом присущи цивилизации постмодерна, и выступает ее закономерным проявлением.

Как показано в работе, право цифрового общества представляет собой стадию развития правовой коммуникации, характеризующейся большей (в сравнении с предшествующими стадиями) общезначимостью знаковых средств, к числу которых относятся цифровые носители информации, а также их дальнейшим обособлением от объектов, выступающих референтами соответствующих знаков. Как следствие, цифровое конструирование правопорядка порождает ряд проблем, пока не получивших адекватного решения.

К числу важнейших проблем такого рода относятся деперсонификация субъектов правовых взаимодействий (прежде всего, государства и юридических лиц, но отчасти и лиц физических), а также развеществление объектов, по поводу которых эти отношения складываются. Указанные тенденции порождают кризис доверия участников коммуникации, являющийся ключевой проблемой постсовременного правопорядка. В целях преодоления такого кризиса автор предлагает реконструкцию правопорядка на основе прав и свобод человека, выступающих основополагающими знаковыми средствами, обеспечивающими стабильность и когерентность правовой реальности.

Ключевые слова: цифровое право; правовая реальность; цифровизация правопорядка; деперсонификация субъектов правового общения; правовая коммуникация.

Как цитировать:

Разуваев Н.В. Право цифрового общества: актуальные проблемы и пути развития // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 3. С. 9–20.
DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS76902>

¹ Настоящая публикация посвящена теме, вызывающей активные дискуссии в юридической, социально-философской и социологической литературе. При этом вопрос о цифровизации права на сегодняшний день не имеет общепризнанного решения. По мнению одних исследователей, цифровая трансформация служит способом преодоления кризисной ситуации постмодерна, создающим возможности для перехода к качественно новому состоянию общества (а следовательно, государства и права), тогда как другие ученые видят в ней лишь кратковременную тенденцию, не затрагивающую сущности правопорядка. Автор работы предпринял попытку детально рассмотреть развитие права в условиях цифровизации общества, обратившись к антропологическим, общекультурным и собственно юридическим аспектам данного процесса. Сложностью проблемы, а также неоднозначностью тенденций развития права в условиях цифровизации, требующих всестороннего рассмотрения, объясняется большой объем исследования, первая часть которого публикуется в настоящем номере журнала. Продолжение статьи будет опубликовано в следующем номере — *прим. ред.*

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS76902>

Law of Digital Society: Actual Problems and the Ways of Development²

© N.V. Razuvaev

North-Western Institute of RANEPa under President Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT: The article discusses the digitalization of law enforcement as the most important trend of post-Russian social development. The author believes that attempts to oppose the transition of postmodern society to digital society are scientifically insolvent for several reasons. First, according to the current consensus, post-contemporary (or post-industrial) society is a stage of sociocultural evolution, when advanced technologies, including information technology, begin to play a leading role, determining the further direction of the development of human civilization. Second, the cultural, social, political, and legal uncertainties of the Postmodern Era are not only not permitted but to some extent are exacerbated by the digitalization of society and law enforcement. Thus, according to the author, the rights of digital society develop tendencies, which, in general, are inherent and natural manifestations of postmodern civilization.

As shown in the work, the rights of digital society in the current stage of legal communication development are characterized by a generally greater (compared to preceding stages) accuracy of the iconic means, among which include digital media, as well as their further extraction from objects acting as referred signs. As a result, digital design of the law enforcement generates several problems that have not received adequate solutions.

The most important of those solutions include anonymization of the subjects of legal interactions (primarily states and legal entities, but also physical individuals), as well as the divorce from objects to which these relationships are addressed. These trends generate a crisis of confidence for communication participants, which is a key problem of post-hour law enforcement. In order to overcome such a crisis, the author offers the reconstruction of the rule of law based on human rights and freedoms that protect the fundamental identity and ensure the stability and coherence of legal reality.

Keywords: digital law; legal reality; digitalization of law enforcement; detection conference of subjects of legal communication; legal communication..

To cite this article:

Razuvaev NV. Law of digital society: actual problems and the ways of development. *Russian journal of legal studies*. 2021;8(3):9–20. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS76902>

² This publication is focused on a subject that triggers active discussions in legal, socio-philosophical, and sociological literature. At the same time, the contemporary issue of law digitalization does not have a generally accepted solution. According to some researchers, digital transformation represents a means to overcome the postmodern crisis situation, providing opportunities for the transition to a qualitatively new state of society (and, consequently, state and law). Other scientists consider it only a short-term tendency that does not affect the essence of the judicial system. The author has attempted to examine in detail the development of law within the conditions of the digitalized society, referring to the anthropological, general cultural, and legal aspects of this process. The complexity of the problem, as well as the ambiguity of tendencies in the development of digital law, which require comprehensive consideration, elucidates a large scope of research, the first part of which is published in this issue of the journal. The continuing article will be published in the next issue – from the editor.

Received: 17.07.2021

Accepted: 18.08.2021

Published: 20.09.2021

ВВЕДЕНИЕ

Состояние права в эпоху постмодерна уже давно является предметом самого непосредственного внимания как теоретиков права, так и представителей ряда отраслевых юридических дисциплин. Согласно часто высказываемой точке зрения, постсовременный правопорядок — это качественно новая стадия правовой эволюции, обладающая явно выраженными отличиями от предшествующих стадий, прежде всего, от национальных правовых систем, которые являлись структурными основами правопорядков эпохи модерна [1, с. 40; 2, с. 99]. Каждая из таких систем обладала четко очерченными пространственными пределами действия, а также специфически присущими им стиливыми характеристиками, выступающими основным критерием содержательного разграничения правопорядков и их объединения в правовые семьи [2, с. 108].

Глобализация права и взаимопроникновение правовых семей (в частности, конвергенция отдельных элементов романо-германских и англо-американских правопорядков) на стадии высокого, или позднего модерна стали непосредственной причиной стилового смешения, с особой отчетливостью проявившегося в первые годы нынешнего столетия, когда, собственно, и начали вестись дискуссии о «постмодерне». Одним из ярких примеров такого стилового смешения, самым непосредственным образом относящимся к тому, о чем далее пойдет речь, стала трансформация категории юридического лица в континентальном праве под влиянием активно рецепируемых англо-американских моделей.

Так, согласно утвердившемуся в Европе еще в эпоху постглоссаторов представлению, юридическое лицо представляет собой самостоятельную правовую личность, единого и единственного собственника принадлежащего ему имущества, не выводимую из правоспособности учредителей и участников данной организации, т.е. не являющуюся «коллективным субъектом прав» [3, с. 350–353]. С другой стороны, в англосаксонском праве юридическое лицо исходно конструировалось в качестве имущественного комплекса, принадлежащего на праве собственности, в том числе доверительной (траст), одному или нескольким лицам. Легко заметить, что как в континентальном, так и в англо-американском праве юридическое лицо представляет собой не реальную личность, а конструкцию, результат конструирования правопорядка, осуществляемого знаково-символическими средствами, применяемыми участниками правовой коммуникации.

При этом исходные точки и направления конструирования юридических лиц в романо-германском и общем праве являются диаметрально противоположными. В первом случае имущественная обособленность выступает своеобразным атрибутом наличия правосубъектности, логически вытекающим из нее, тогда как во втором

случае сама правосубъектность выступает вторичной, производной характеристикой имущественного комплекса [4, с. 88]. Эти различительные признаки в семантике знаковой конструкции юридического лица первоначально утратили релевантность применительно к тем коммерческим организациям, которые осуществляли международную торговую деятельность в условиях различных правопорядков.

В дальнейшем же англо-американская модель «корпорации» стала все активнее переноситься на континентальную почву [5, р. 98], что, в частности, повлекло за собой рецепцию исторически чуждой романо-германскому праву идеи «снятия корпоративной вуали», применение которой породило множество затруднений как доктринального, так и практического характера [6, р. 678; 7, р. 52; 8, р. 5; 19, р. 106; 10, с. 18; 11, с. 226]. Естественно, подобные затруднения, вызванные активной конвергенцией правопорядков и спровоцированным ею размыванием стилей, не ограничились только сферой гражданского права, но затрагивают самые разные аспекты правовой коммуникации — от конституционных прав и свобод человека до уголовной ответственности.

При этом необходимость теоретического осмысления качественных изменений, характеризующих право эпохи постмодерна, стала причиной известной эпистемологической растерянности, спровоцированной амбивалентностью основных категорий, используемых участниками правовой коммуникации. Развернутую характеристику сложившейся ситуации дает И.Л. Честнов, по словам которого, в постклассической эпистемологии «возникает неопределенность в категоризации, классификации и квалификации социальной (и правовой) реальности. Приходится констатировать, что в ситуации „постмодернити“ невозможно дать однозначную оценку, в том числе юридическую, сложного социального явления или процесса» [12, с. 32].

В таких условиях цифровизация оказалась в значительной мере неожиданным трендом, находившимся вне пределов обсуждения еще в начале прошлого десятилетия, когда активизировались дискуссии о путях и перспективах дальнейшего развития права и государства в условиях постмодерна. Несложно заметить, что понятие «постмодерна» в теоретическом дискурсе имело и продолжает сохранять в себе явно неоднозначные коннотации, обозначая кризисную ситуацию неопределенности в научной и практической сферах, ознаменовавшую последний этап эволюции правопорядка, начавшийся в 1980-х гг. Подобная неопределенность, препятствующая формированию каких-либо обоснованных научных выводов, равно как и прогнозов дальнейшего развития, оказывает негативное воздействие не только на правопорядок, но и на правовую доктрину.

Вот почему цифровизация правопорядка привлекла к себе повышенное внимание исследователей, усматривающих в ее изучении выход из идейно-методологического тупика, постигшего как общую теорию права, так

и отраслевые юридические дисциплины [13; 14]. Отметим, что проблемы цифровизации впервые стали обсуждаться в рамках дискуссий о цифровой демократии, раскрывших возможности применения цифровых технологий для регулирования политико-юридических отношений [15]. Несмотря на известный скептицизм, демонстрируемый подчас научным сообществом в отношении действенности электронных процедур как средства принятия решений и формирования общей воли, не вызывает сомнений, что сами эти процедуры свидетельствуют о переходе правовой коммуникации на качественно новую ступень эволюционного развития.

В то же время следует заметить, что политическая децентрация, требующая активного участия членов общества и стремящаяся к установлению всеобщего согласия (консенсуса) их мнений [16, р. 5; 17, р. 29], с большим трудом поддается всесторонней цифровизации, а тем более замене человека как экзистенциально и социально свободного существа искусственными нейросетями. Значительно более плодотворным может оказаться обсуждение цифровой трансформации субъективных гражданских прав, способное привести к целому ряду интересных выводов относительно их правовой природы и сущности, которые могут внести значительный вклад в развитие цивилистической науки [18; 19].

И хотя, несмотря на напряженные усилия исследователей, специфика цифровой трансформации субъективных гражданских прав (прежде всего, вещных и обязательственных) остается до конца не проясненной, ученые уже сейчас делают предположения относительно видоизменения сущности гражданско-правовых договоров, требующих минимальной активности контрагентов. Весьма перспективной тенденцией динамики системы гражданского права является и цифровизация личных неимущественных прав, способствующая конструированию новых участников правовой коммуникации и появлению субъектов права, которые ранее не обладали свойствами правосубъектности.

Речь идет об искусственном интеллекте, который в рамках традиционной парадигмы рассматривается в качестве базы данных и является объектом, а не субъектом гражданских прав. Выявление места искусственного интеллекта в системе современного правопорядка, на наш взгляд, требует либо полного отказа от идеи свободы как движущей силы юридической коммуникации, что было бы губительным для права как такового, либо переосмысления идеи свободы, утверждающего ее непреходящую ценность в новых условиях. Представляется, что именно последний вариант является предпочтительным и раскрывающим глобальные перспективы эволюции правопорядка в век высоких технологий, стимулирующих парадоксальные иллюзии о способности общества полностью устранить человеческий фактор из механизмов своего развития. Думается, однако, что все ранее сказанное неоспоримо свидетельствует о том, что именно право

служит последним оплотом человечности в бушующем океане технологического детерминизма, что дает основания для хоть и осторожного, но, тем не менее, уверенного оптимизма относительно непреходящего значения человеческого достоинства и свободы в цифровую эпоху. Итак, мы видим, что цифровая трансформация общества, права и государства раскрыла новые, подчас неожиданные, перспективы развития, но вместе с тем обнаружила вызовы, ответ на которые должна дать человеческая цивилизация. К числу таких вызовов, в первую очередь, относятся деперсонификация, анонимизация и, как следствие, утрата взаимного доверия участников правового общения. На этом фоне у некоторых наблюдателей возникает непреодолимое искушение декларировать не только «смерть субъекта», что является тенденцией далеко не новой, поскольку такого рода воззрения высказывались еще Ф. Ницше [20, с. 440] и М. Фуко [21, с. 404], но и кончину правовой науки, в которой якобы не будет необходимости, когда место автономной воли физических лиц, проявления которой требуют теоретического и философского осмысления, займут пресловутые «нейросети».

Нет сомнений в том, что подобный путь развития является заведомо тупиковым, не говоря уже об утопичности и малой реалистичности осуществления такого сценария. Альтернативой ему выступает переход правовой коммуникации как сугубо человеческого свойства на новую ступень эволюционного развития, сопровождаемый совершенствованием средств общения участников, о чем пойдет речь в настоящей статье. При этом мы полагаем, что цифровая трансформация права в эпоху постмодерна, невзирая на те серьезные проблемы, которые возникают в данном контексте, может нести в себе не только угрозы, но и возможность развития конструктивистских способностей коммуницирующих индивидов.

Цифровая трансформация как основная тенденция эпохи постмодерна

Проблемное поле юридической науки определяется глобальными изменениями правовых явлений, предпосылками которых выступают процессы конструирования, стимулируемые технологическим, социокультурным, экономическим и политическим развитием общества. Важнейшей тенденцией, характеризующей указанные процессы, является цифровизация всех сфер общественного бытия, ставшая результатом технологической революции конца XX в., сопровождающей приход постиндустриального общества [22]. Цифровая трансформация последнего, с одной стороны, выступает закономерным результатом общих тенденций эволюции человеческой культуры. С другой же стороны, будучи качественно новым состоянием, она породила целый ряд явлений, не имеющих аналогов в существовавших ранее правопорядках.

Не может быть никакого сомнения в том, что цифровая трансформация преобразовала не только систему

социальных связей и правовую реальность, но и повлияла на самого человека, изменив (а во многом даже и отменив) многие габитусы, определяющие его поведение в социальной среде [23, р. 91]. Указанные изменения отразились, прежде всего, в способах коммуникации, в выражении мыслей на лексическом, морфологическом, а отчасти даже и на фонетическом уровнях языковой системы, все более подвергающихся унификации, необходимой для полноценного общения с искусственным интеллектом. В семиотическом плане эти процессы приводят к качественному изменению существующих знаковых систем, включая систему права во всех ее измерениях, а именно: в семантическом, синтаксическом и прагматическом планах. Такие изменения порождают непреодолимые затруднения в плане коммуникации, оказывающие серьезное влияние на поведение участников социальных взаимодействий.

Так, рассматривая правопорядок как знаковую систему, выступающую в качестве механизма текстопорождения, несложно убедиться в том, что правовые сообщения (тексты), создаваемые при помощи технологий цифровой коммуникации, с трудом поддаются декодированию привычными средствами, что формирует предпосылки для неопределенности правового порядка, чреватой неопределенностью в познавательном плане. Так, сталкиваясь с целым рядом явлений, порожденных информационной эпохой (такими, в частности, как цифровые права, цифровые базы данных и иные объекты, подобные искусственному интеллекту), доктрина испытывает непреодолимые затруднения в интерпретации правовой природы и сущности последних.

Между тем, коль скоро с фактом существования подобных явлений вынуждены считаться действующее законодательство и судебная практика, дискуссионность доктринальных трактовок негативно отражается на применении соответствующих норм, заметно снижая эффективность последнего в плане регулирования складывающихся отношений. Таким образом, в пресуппозиции социальной и правовой коммуникации цифровизация вносит изменения, делающие бессмысленными привычные языковые игры, делегитимируя сложившийся порядок правовой реальности. Отныне многие базовые для него концепты перестают быть тем, что они значили всегда: вещь более не является вещью, деньги — деньгами, обязательство перестало быть взаимной связью субъектов (ст. 307 ГК РФ)³, да и сами эти последние в цифровой реальности претерпевают качественную трансформацию, изменяющую казавшиеся ранее незыблемыми свойства их (право)субъектности.

Отменяя правила коммуникации, в том числе многие молчаливые конвенции последней, цифровая трансформация общества изменяет и саму природу языковых

игр, в чем видел ключевую особенность состояния постмодерна Ж.Ф. Лиотар, по утверждению которого, «если нет правил, то нет и игры; даже небольшое изменение правила меняет природу игры, а „прием“ или высказывание, не удовлетворяющее правилам, не подлежат определяемой ими игре» [24, с. 32]. При этом возникает искушение объявить постмодерн новым качественным состоянием социального и правового порядка, когда отсутствие общих правил влечет за собой тотальную деконструкцию сложившегося порядка, а именно некое, ставшее нормой чрезвычайное положение [25, с. 9].

Представляется, однако, что подобное утверждение неверно по существу. В самом деле, упразднение более сложных правил, появившихся на поздних стадиях эволюции человеческого общения, как показывает опыт, не делает невозможными игры, как таковые выступающие основой любой культуры [26, с. 21], но заставляет их участников обратиться к исходным и более простым знаковым средствам для организации коммуникативного взаимодействия. Так, отсутствие разработанной системы общих правил, конструирующих имущественные, а также иные отношения по поводу цифровых объектов, в условиях фактического многообразия подобных отношений, заставляет субъектов регулировать свои взаимодействия посредством субъективных прав и обязанностей, применяемых *ad hoc*, в каждом конкретном случае.

Подобный феномен окказиональной регуляции, или «индивидуальная норма» (при всей спорности и проблематичности данного понятия), характерный для многих сфер социокультурного общения, привлекал к себе внимание не только лингвистов [27, с. 45; 28, с. 241; 29], но и юристов. Так, еще Б.А. Кистяковский выделял в свое время два взаимосвязанных и равно необходимых аспекта права, определяющих его действие [30, с. 356]. Одним из этих аспектов является общее правило, представляющее собой формально-логическое суждение об универсальной причинно-следственной связи социальных явлений, выводящее из фактических обстоятельств требование возможного или должного поведения, действие либо бездействие. По мысли ученого, будучи логической конструкцией, норма имеет сугубо рациональный характер и целиком лежит в понятийной сфере.

Другой аспект правовой регуляции образуют субъективные права и обязанности, характеризующиеся, в отличие от общих правил, следующими особенностями. Они, во-первых, тесно связаны с конкретными фактическими ситуациями и применяются исключительно в этих последних, во-вторых, возникают чаще всего в результате манифестации свободной воли взаимодействующих индивидов, по их частной инициативе. Наконец, в-третьих, будучи способом ментально-психологического освоения социальной реальности, субъективные права и обязанности связаны не только с рационально-понятийным мышлением, но и в значительной степени с внерациональными

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. В ред. Федерального закона № 33-ФЗ от 09.03.2021 // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2021. № 11. Ст. 1698.

(эмоциональными, чувственными, образными и т.п.) элементами психики, оказывая мощное суггестивное воздействие на субъектов правовой коммуникации [31].

Исходя из этого, Б.А. Кистяковский утверждает, что «право, поскольку оно состоит из норм, есть нечто безусловно рациональное. Подобно понятиям оно создается разумом, без которого нормы не могли быть ни созданы, ни сформулированы... Однако право есть не только совокупность норм, а и жизненное явление... В жизни субъективное право дано в виде неисчислимого количества правовых отношений или прав и обязанностей, присвоенных всем членам того или иного общества, связывающих их между собой и объединяющих в одно целое. Все эти правоотношения или все эти права и обязанности безусловно конкретны, единичны или индивидуальны... Каждый такой факт в своей индивидуальности, в своем своеобразии, в своей неповторяемости есть нечто безусловно иррациональное» [30, с. 359–360].

Отсюда ученый делает вывод о том, что «надо признать фикцией отождествление права, заключающегося в правовых нормах, с правом, осуществляющимся в жизни, в правовых отношениях и в индивидуальных правах и обязанностях» [30, с. 360]. Таким образом, нормативная составляющая правопорядка, имеющая безусловно исторический характер, по мере эволюции правопорядка подвергается разнообразным трансформациям и может даже утрачивать свою релевантность для участников правового общения. Подобные трансформации имеют место в тех случаях, когда правовая коммуникация в результате изменения социокультурного и исторического контекста, образно говоря, начинает течь по иному руслу, возникая из самой действительности, из множества уникальных фактических ситуаций, имеющих экзистенциальное содержание, и из связанных с этими ситуациями индивидуальных прав и обязанностей⁴.

Представляется, что именно они служат первичными средствами конструирования правовой реальности, формирующими ее базовый («примордиальный») уровень. Причем, в силу хорошо известного социологам феномена неустраняемого присутствия примордиального начала на любых стадиях развития общества⁵, указанные средства не только исторически лежат в основе более сложных способов конструирования, таких как правовые нормы, но и выступают на передний план в переходные периоды, когда ранее существовавшие нормы перестают с надлежащей

степенью эффективности выполнять присущие им конструктивистскую и регулятивную функции, а нормы нового исторического типа еще не сформировались.

Указанное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что ситуация постмодерна, связанная с цифровой трансформацией культурного общения, представляет собой лишь временное состояние, неизбежно сопутствующее переходу знаковой коммуникации к очередной стадии эволюционного развития. В контексте сформулированных соображений небезынтересным представляется рассмотреть место современных форм электронной коммуникации в эволюционном ряду, восходящем не только к ранним видам письма, а именно пиктографии и клинописи, но и к таким специфическим способам передачи информации, как наскальная палеолитическая живопись, а также жестовый язык, появившийся еще у животных предков человека. Развернутое сопоставление всех — антропологических, лингвистических, культурологических — данных, которыми располагает наука, делает очевидными два обстоятельства.

Во-первых, эволюция коммуникации имеет стадийный характер, причем переход на каждую следующую стадию, расширяя диапазон знаковых средств, обеспечивает все более сложный и всесторонний характер конструирования социокультурной (а следовательно, и правовой) реальности. И во-вторых, переход на новую ступень эволюции не является плавным и бесконфликтным развитием тенденций, заложенных предшествующей стадией. Всякий раз этот переход сопряжен с распадом сложившейся картины мира, влекущим за собой утрату когерентности последней. Именно с неопределенностью такого рода имеет дело «новая реальность» цифровой эпохи, и представляется совершенно очевидным, что коль скоро первопричиной неопределенности выступает появление новых знаковых средств, условием преодоления неопределенности является габитуализация этих последних.

Но если перейти от культурной ситуации к самой природе, нельзя не заметить, что качественные изменения, вызванные цифровой трансформацией, глубоко затронули не только психологические, но и телесные свойства всех без исключения акторов социального действия [34]⁶. Вообще, поскольку телесность как таковая представляет собой один из аспектов личности, отсюда следует вывод, что метаморфозы телесности членов цифрового общества необходимо рассматривать в общем контексте кризиса личностной идентификации

⁴ Помимо Б.А. Кистяковского, данное обстоятельство подчеркивалось многими теоретиками права. Так, одной из наиболее последовательных и продуктивных в научном плане следует признать концепцию А.В. Стоббы [32], выстраивающего онтологию правовой реальности, исходя из конкретных жизненных ситуаций («правовых происшествий», «правовых событий») во всей их экзистенциальной полноте. При этом объединяющим началом для всего многообразия таких событий служит участие в них правовых субъектов, являющихся одновременно и участниками повседневной коммуникации: Я, Другого, Каждого.

⁵ Эту «неукротимость примордиального в обществе» отмечает, в частности, американский социолог Нейл Смельзер [33, с. 13].

⁶ К сожалению, авторы указанной публикации, давая солидную подпорку мнений, не делают собственных выводов из рассматриваемого материала. Между тем трансформации телесности в постсовременном обществе отнюдь не сводятся к таким хорошо известным явлениям, как фитнес, бодимодификации и т.п. [34, с. 14], но имеют куда более далеко идущий характер, приводя в конце концов к сложным преобразованиям нервной системы и внутренних органов человека, становящимся возможными благодаря развитию информационных технологий в медицине.

в эпоху постмодерна [35]. Важно отметить, что этот кризис, имея общий антропологический характер, создает последствия и в юридическом плане, способствующие, в частности, переосмыслению категорий государства и юридических лиц, которые являются, наряду с физическими лицами, участниками правового общения.

Известно, что по крайней мере с эпохи Средневековья (если не с античных времен) данные сущности, неосязаемые в физическом плане, конституировались по образу и подобию человека, в качестве некоего «коллективного тела» [36]. Не случайно, используемое в средневековой латыни существительное *corporatio* этимологически производно от лат. *corpus*, одновременно означающего и тело, и действие, и отдельный физический предмет, противопоставляемый как бестелесным предметам (*incorporales*), так и родовым телесным вещам. Именно на данной основе в эпоху Нового времени складываются рационализированные представления о юридической личности государства и иных социальных структур в качестве образований, обладающих волевым признаком и субстанциональной основой, необходимыми и достаточными для участия в правовой коммуникации. Вот почему изменения, происходящие в эпоху цифровизации с человеческой личностью (в том числе ее физических свойств), не могли не отразиться на правопорядке, обусловив ряд фундаментальных тенденций, которые заслуживают отдельного рассмотрения.

Деперсонализация субъектов правовой коммуникации в условиях цифровизации правопорядка

Не будет преувеличением утверждать, что одним из важнейших в практическом плане последствий цифровизации правопорядка становится утрата определенности как субъектного состава отношений, складывающихся по поводу социальных объектов, так и самих этих последних. А именно субъекты претерпевают деперсонализацию, а объекты — развеществление, что создает ситуацию неопределенности соответствующих правоотношений. Речь идет, прежде всего, о государстве, которое ранее всех прочих акторов правового порядка, еще в начале Нового времени, стало приобретать свойства особой, деперсонифицированной личности, не сводимой ни к личности правителя государства, ни к его имуществу [37, с. 32; 38, с. 563–567]. Уже в условиях позднего (высокого) модерна современное государство превращается, как справедливо отметил М. Вебер, в «комплекс специфического совместного действия людей, которые ориентируют свое поведение на *представление* о том, что оно существует или *должно* таким образом существовать, и что, следовательно, определенные юридические порядки *значимы*, т.е. обязательны к исполнению» [39, с. 76].

Иными словами, уже в доцифровую эпоху государство как действующий участник правопорядка оформляется

в качестве совокупности отношений, обладающих для всех прочих субъектов релевантностью⁷, позволяющей ему быть субъектом, подобным физическим и юридическим лицам. Между тем современное государство таковым исходно не являлось и, безусловно, не могло являться в контексте естественной установки, предполагавшей, что активными участниками социальных отношений могут выступать лишь живые существа, обладающие сознанием и волей, необходимыми и достаточными для принятия решений и совершения действий. Государство эпохи модерна обладало соответствующей релевантностью за счет таких признаков, как территориальная однородность, организационное единство, публично-властные полномочия, суверенный характер государственной власти и т.п., позволявших участникам политического общения воспринимать его в качестве личности, хотя бы и *sui generis*, на что указывают такие часто используемые в литературе выражения, как «воля государства», «решения государственных органов», «применение государством мер принудительного воздействия на правонарушителей».

В условиях формирования цифрового общества признаки современного государства, выражающие смысловое ядро его правовой и социальной субъектности, претерпевают качественную трансформацию, превратившую государство в один из множества «воображаемых ландшафтов», которые стали предметом пристального внимания в последние годы. Так, основоположник данной концепции А. Аппадурои на разнообразных примерах продемонстрировал отсутствие у воображаемых ландшафтов свойства территориальности, утратившего свою релевантность вследствие перемещения в цифровую среду [41, р. 32]. Нетрудно заметить, что сходная метаморфоза, по мере развития информационного общества, имеет место и применительно к государству, детерриторизированность которого выступает закономерным следствием перехода в цифровую среду.

В свою очередь, трансформация территориального признака оказала влияние на прочие признаки государства. Так, вертикально-иерархические структурные связи стали преобразовываться в более гибкую горизонтальную структуру, а публично-властные полномочия приобретают децентрализованный характер, равномерно распределяясь между множеством субъектов социального общения, в число которых включаются также и субъекты неполитические (общественные организации и иные частные структуры). А это уже приводит к «размыванию» традиционного восприятия суверенитета как верховенства публичной власти государства.

Таким образом, имеются все основания рассматривать государство, равно как и политическое пространство

⁷ Пользуясь терминологией А. Шюца, такую релевантность можно именовать *интерпретативной*, подразумевая под этим ее способность создавать условия для восприятия феноменов внешнего мира в контексте привычного социального окружения, тем самым обеспечивая взаимодействие с ними [40, с. 264].

в целом, в качестве одного из выделенных исследователем «воображаемых ландшафтов», наряду с этнопространством, медиапространством, технопространством, финансовым пространством и идеологическим пространством. Так, например, в игровом мире, который в настоящее время становится все более ярким и типичным примером цифровой реальности, в соответствии с принятыми правилами, может быть сконструирован некий (виртуальный) участник, обладающий властными полномочиями, включающими в себя возможность применения тех или иных санкций к иным субъектам игрового процесса.

Иными словами, данный участник, каковым может выступать и компьютерная программа, будет выполнять в рамках медиапространства функции «государства», обладающего всеми традиционно выделяемыми признаками, включая наличие властных полномочий и возможности применения санкций, которые будут реализовываться постольку, поскольку остальные участники готовы признавать (легитимировать) возможность их применения. Тем не менее его квалификация в качестве государства, с позиций существующих доктринальных представлений, оказывается проблематичной, поскольку распорядительно-властные полномочия данной игровой институции ограничены двумя моментами.

Во-первых, круг субъектов («подданных»), на которых распространяются эти полномочия, ограничен исключительно теми, кто участвует в игре и, следовательно, добровольно принимает ее правила. И во-вторых, пределы действия верховной власти подобного государства имеют исключительно виртуальный характер, локализуясь в игровой реальности. Иными словами, виртуальное государство, строго говоря, не имеет очерченной географической территории, границ, а также прочих атрибутов существования, присущих «настоящим» политическим учреждениям, отчего, однако, факт его существования не становится менее реальным для субъектов коммуникации, каковыми в данном случае выступают участники игрового процесса [42, с. 13].

Аналогичную тенденцию к деперсонализации, являющуюся результатом цифровой трансформации основных признаков, испытывают и юридические лица. Как известно, в соответствии с п. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, обладающая обособленным имуществом и отвечающая этим имуществом по своим обязательствам, от своего имени приобретающая и осуществляющая субъективные гражданские права и обязанности, а также выступающая истцом и ответчиком в суде. Таким образом, основными признаками юридического лица, определяющими его гражданскую (равно, впрочем, как и любую иную) правосубъектность, в действующем законодательстве, а также в судебной, правоприменительной практике и правовой доктрине принято считать организационное единство, участие в имущественных отношениях от собственного

имени, наличие обособленного имущества, а также самостоятельную юридическую ответственность [43].

Руководствуясь пониманием, развиваемым в работах М. Вебера, юридические лица, причем как корпоративные, так и унитарные (п. 1 ст. 65.1 ГК РФ), можно, подобно государству и иным публично-правовым образованиям, рассматривать в качестве особого рода социальной реальности, а именно совокупности релевантных взаимодействий участников правового общения, а также субъективных прав и обязанностей этих последних. Подобная дефиниция, сформулированная еще применительно к корпорациям и учреждениям индустриальной эпохи, получила мощный импульс благодаря цифровизации гражданского оборота, а также цифровой трансформации его субъектов. В этих условиях становится очевидным, что любые организации представляют собой юридически оформленную деятельность, направленную на достижение хозяйственных и иных целей.

Соответственно, субъективные права и обязанности, приобретаемые и осуществляемые в процессе такой деятельности, определяют субъектность юридического лица и образуют его субстанциональную основу. Указанное обстоятельство отмечает В.К. Андреев, по словам которого, «правоспособность юридического лица — это совокупность прав и обязанностей, которые оно может иметь. Правоспособность юридического лица — это не способность, как у граждан, а возможность иметь права и обязанности, связанные с правом юридического лица осуществлять деятельность, определенную его уставом» [44, с. 59]. В целом с высказанным суждением вполне можно согласиться, хотя само терминологическое противопоставление «способность/возможность» представляется надуманным, учитывая взаимосвязанность словарных значений указанных слов в русском языке⁸.

Тем не менее имеются достаточные основания утверждать, что юридическое лицо как феномен правопорядка в структурном и функциональном планах представляет собой совокупность коммуникативных взаимодействий, единство которых конструируется знаковыми средствами, а именно: вещными, обязательственными, корпоративными и иными правами и обязанностями. Как мы помним, субстанциональной основой правосубъектности современного государства, своеобразным проявлением его «телесности», о которой шла речь ранее, являются территория и население (граждане), на которых распространяется суверенная власть государства, т.е. публичные правомочия последнего.

Точно так же, с учетом специфики юридических лиц как хозяйствующих субъектов, их субстанциональность находит свое выражение в обособленном имуществе, принадлежащем юридическому лицу на праве собственности, ограниченном вещном праве или ином субъективном гражданском праве. Иными словами, признак

⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 20-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1988. С. 618.

имущественной обособленности, предполагающий принадлежность имущества организации, а не ее учредителям (участникам) или третьим лицам, устанавливает внешние пределы предметности юридического лица в физическом и социальном пространстве, подобно тому, как человеческая телесность самым непосредственным образом отделяет одного индивида от другого, а территория и население, определяющие пространственные пределы государства, образуют специфическую «телесность» последнего.

Об этом, в частности, свидетельствуют положения ст. 132 ГК РФ, определяющей предприятие как имущественный комплекс, находящийся в собственности юридического лица в качестве совокупности различных материальных и нематериальных объектов (недвижимость, движимое имущество, включая инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, права на коммерческие обозначения и т.п.). Одновременно, согласно п. 1 ст. 132 ГК РФ, предприятие как имущественный комплекс в целом признается недвижимым имуществом, что характеризует законодательный подход к подобного рода комплексным объектам прав именно в плане признания приоритета их материальной (вещественной) составляющей.

В целях правильного понимания представляется необходимым отметить, что под материальными благами мы понимаем объекты, имеющие внешнее физическое выражение или материальный субстрат, следуя известному критерию, применявшемуся еще римскими юристами, в частности Гаем, видевшим главное отличие телесных вещей от бестелесных в том, что первые можно осязать, тогда как вторые — нет [45, с. 87]. Иными словами, признак материальности, вопреки порою встречающейся ошибочной точке зрения, отнюдь не является имущественно-стоимостной характеристикой объектов гражданских прав, поскольку некоторые имущественные блага (а именно вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги) являются материальными, тогда как другие (например, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, выполнение работ, оказание услуг, права требования и т.п.) имеют нематериальный характер. Нематериальный характер, как следует из сказанного ранее, имеют и цифровые права, а также цифровые активы, причем особенностью последних является то, что здесь, наряду с нематериальностью, добавляется еще и признак виртуальности, присущий любым феноменам, существующим в сети Интернет.

Есть все основания констатировать, что и здесь процессы цифровизации и виртуализации повлекли за собой изменения, способствующие качественной трансформации юридического лица, по крайней мере, на уровне его субстанционального воплощения. Указанная тенденция активизировалась с появлением электронной формы ценных бумаг (прежде всего, акций), ставших распространенными

объектами сделок на фондовых рынках. Теперь трейдеру для покупки акций корпоративных юридических лиц не требуется лично присутствовать на бирже и получать на руки документы, приобретаемые в ходе торгов, как это было раньше: достаточно лишь иметь электронное приложение, с помощью которого можно совершать сделки, приобретая (в бездокументарной форме) различные активы, которые по истечении установленного законом срока поступают в собственность покупателя соответствующих ценных бумаг.

Важным последствием развития оборота ценных бумаг, эмиссия которых осуществляется в электронной форме, становится трансформация имущественной основы акционерных обществ и иных юридических лиц, т.е., в конечном счете, качественное видоизменение признака имущественной обособленности последних. Как мы помним, наличие обособленного имущества считается важной характеристикой любой организации в качестве самостоятельного участника гражданского оборота: подобно тому, как тело (о котором ранее уже шла речь) является наиболее наглядным внешним атрибутом любого человека, не существующего вне и помимо собственной телесности, имущественный комплекс выступает основным проявлением «телесности» юридического лица. Более того, согласно одной из существующих теорий, само это последнее представляет собой не что иное, как обособленное имущество, используемое с определенной целью, а именно для получения прибыли или достижения иных результатов [46, р. 59–63; 47, с. 55; 48, с. 14–15].

В качестве наглядной иллюстрации обратимся к акционерным обществам, которые, в соответствии с п. 1 ст. 96 ГК РФ, представляют собой корпоративные лица (хозяйственные общества), уставный капитал которых разделен на определенное число акций. Таким образом, акции являются не просто документами, фиксирующими обязательственные и иные права их обладателей (п. 1 ст. 142 ГК РФ), в данном случае — акционеров, но также долей в уставном капитале юридического лица, принадлежащей акционеру на соответствующем имущественном праве. Следовательно, акция является своего рода «знаком», отсылающим к самому имуществу в качестве своего референта.

Но в семиотической структуре, где все уровни взаимосвязаны и взаимно друг другу коррелируют, виртуализация означаемого служит показателем и отчасти причиной развеществления предметной основы самой реальности, в том числе реальности правовой, представляющего собой основную тенденцию развития в век постмодерна. Тем самым юридические лица в результате цифровой трансформации правопорядка утрачивают свою субстанциональную основу, конструируясь по образу и подобию тех «воображаемых сообществ», которые на примере наций в эпоху Нового времени рассматривал Бенедикт Андерсон.

По словам исследователя, такое сообщество «воображаемое», поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности... Тем самым он предполагает, что существуют „подлинные“ сообщества, которые было бы полезно сопоставить с нациями. На самом деле все сообщества крупнее первобытных деревень (а, может быть, даже и они), — воображаемые» [49, с. 31]. Проводя соответствующую параллель, полезно было бы сделать оговорку о том, что юридические лица, даже корпоративные, в отличие от наций, не являются «сообществами» в строгом смысле данного термина, поскольку любая организация обладает признаком внутреннего единства, представляя собой не коллективного, а индивидуального субъекта.

Тем не менее юридическое лицо конструируется теми знаковыми средствами, которыми располагает культура. Кроме того, для любой культуры, до эпохи модерна включительно, каждое такое образование обладало не только знаково-символическим, но и материальным измерением. Так, у нации материальное измерение формировалось за счет тех людей, которые причисляли себя к данному единству, у государства оно определялось территориальным признаком, наконец, «материей» юридического лица являлось то имущество (вещи, наличные деньги, документальные ценные бумаги и т.п.), которым оно располагало.

Дематериализация тех субъектов правового общения, о которых идет речь, породила не только новые вызовы стабильности правового и социального порядка, но и дала надежду на разрешение конфликтов, казавшихся непреодолимыми в век модерна. В самом деле, развешествление наций создало условия для формирования новых единств, не обремененных национальными условностями

и предрассудками, утрата территориального признака государства способна в перспективе положить конец военным конфликтам, спровоцированным географическим фактором, долгое время считавшимся предпосылкой самосохранения и выживания политического сообщества.

Наконец, превращение юридических лиц в качестве имущественных комплексов в виртуальные обозначения, нанесенные культурным сознанием на воображаемую карту постсовременного общества, позволило расширить пределы экономического богатства, казавшиеся незбылемыми со времен Адама Смита, и радикально переосмыслить саму идею частной собственности. Одним из важнейших последствий этого переосмысления становится рост (за счет появления новых видов имущественных благ) числа частных собственников, стимулирующий тем самым социальную свободу индивидов.

Цифровизация субъективных прав (ст. 141.1 ГК РФ), которыми в процессе их хозяйственной деятельности наделяются юридические лица, приводит к превращению последних из реальных в виртуальные единства, что служит одним из важных проявлений общей тенденции к анонимизации правопорядка, присущей информационному обществу. В подобных условиях только люди как первичные и естественные участники правовой коммуникации остаются единственными относительно устойчивыми субъектами, не затронутыми в полной мере процессами анонимизации и деперсонализации. Сущность права, представляющего особый результат социального творчества людей (текст) [50, с. 73–76], а также обусловленное этим свойство человекообразности правового бытия [51, с. 77] позволяют усомниться в справедливости популярных прогнозов относительно «смерти субъекта» в постсовременную эпоху, по крайней мере, применительно к рассматриваемой нами сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 1998. 400 с.
2. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1. Основы. М.: Междунар. отношения, 1998. 480 с.
3. Эннеккерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. I. Пт. 1. Введение. Общая часть. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1949. 379 с.
4. Суханов Е.А. Тенденции развития корпоративного права в противостоянии англо-американского и континентального европейского подходов // Право и государство. 2015. № 3 (68). С. 87–93.
5. Merkt H., Göthel S.R. US-amerikanisches Gesellschaftsrecht. 2. Aufl. Frankfurt-a. M.: Recht und Wirtschaft Verlag, 2006. 925 p.
6. Gaetner M.J. Reverse Piercing the Corporate Veil: Should Corporation Owners Have It Both Ways? // William & Mary Law Review. 1989. Vol. 30. № 3. P. 667–704.
7. Bainbridge S.M. Abolishing LLC Veil Piercing // University of Illinois Law Review. 2006. № 1. P. 77–106.
8. Kraakman R.N. The Anatomy of Corporative Law: A Comparative and Functional Approach. Oxford: Oxford University Press, 2009. 282 p.
9. Macey J., Mitts J. Finding Order in the Morass: The Three Real Justification for Piercing the Corporate Veil // Cornell Law Review. 2014. Vol. 100. № 1. P. 100–155.
10. Терновая О.А. Ответственность юридических лиц в корпоративном праве: проблемы и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 17–20.
11. Тимофеев И.А. Доктрина прокалывания корпоративной вуали в США // Вопросы российской юстиции. 2019. № 5. С. 225–252.
12. Честнов И.Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 31–41.
13. Саурин А.А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31.
14. Кожокарь И.П. Влияние недостатков на судебное правоприменение в эпоху цифровизации права // Юридическая наука. 2019. № 7. С. 9–12.

15. Васькова М.Г. Проблемы становления и реализации электронной демократии в электронном государстве // Российский юридический журнал. 2010. № 4 (73). С. 47–50.
16. Rawls J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. 435 p.
17. Habermas J. *Three Normative Models of Democracy // Democracy and Difference / ed. S. Benhabib*. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 21–31.
18. Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // *Хозяйство и право*. 2019. № 5 (508). С. 3–14.
19. Абрамова Е.Н., Брагинец А.Ю. К вопросу о понятиях права собственности и имущества в цифровую эпоху // *Хозяйство и право*. 2020. № 6 (521). С. 12–21.
20. Ницше Ф. *Веселая наука // Ницше Ф. Полное собрание сочинений*. В 13 т. М.: Изд. «Культурная революция», 2014. Т. 3. 640 с.
21. Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. СПб.: «А-сэд», 1994. 407 с.
22. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 944 с.
23. Bourdieu P. *Raison pratiques. Sur la théorie de l'action*. Paris: Seuil, 1994. 245 p.
24. Лиотар Ж. Ф. *Состояние постмодерна*. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 160 с.
25. Агамбен Дж. *Номо sacer. Чрезвычайное положение*. М.: «Европа», 2011. 148 с.
26. Хейзинга Й. *Номо Ludens. Статьи по истории культуры*. М.: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.
27. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // *Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию*. М.: «Прогресс», 1984. С. 37–300.
28. Иванов Вяч.Вс. *Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*. 1968. Т. XXVII. Вып. 3. С. 236–245.
29. Богданова Е.В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2009. Т. 1. № 4. С. 100–108.
30. Кистяковский Б.А. *Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права*. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1916. 718 с.
31. Петражицкий Л.И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. Т. 1–2. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1910. 763 с.
32. Стомба А.В. *Темпоральная онтология права*. СПб.: Алеф-Пресс, 2017. 355 с.
33. Смелзер Н. *Социология*. М.: «Феникс», 1994. 688 с.
34. Гаврилова М.С., Бурина Е.А. *Телесность в эпоху постмодерна // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе: Мат-лы Международной научно-практич. конференции / Под ред. Д.Я. Грибановой*. Псков: ПсковГУ, 2020. С. 10–16.
35. Извеков А.И. *Проблема личности постмодерна: Кризис культурной идентификации*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 246 с.
36. Kantorowicz E. *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton: Princeton University Press, 1957. 584 p.
37. Андерсон П. *Родословная абсолютистского государства*. М.: ИД «Территория будущего», 2010. 507 с.
38. Бурдьё П. *О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)*. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2017. 720 с.
39. Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. В 4 т. Т. 1. *Социология*. М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2016. 448 с.
40. Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
41. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimension of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 244 p.
42. Архипов В.В. *Действие правовых норм в цифровом медиaprостранстве и семантические пределы права // Правоведение*. 2019. Т. 63. № 1. С. 8–27.
43. Козлова Н.В. *Понятие и сущность юридического лица: очерк теории и истории*. М.: «Статут», 2003. 318 с.
44. Андреев В.К. *Тенденции развития понятия юридического лица // Проблемы взыскания убытков в российском правопорядке / Отв. ред. Ю.С. Харитоновна*. М.: Изд-во МАЭП, 2016. С. 53–63.
45. Гай. *Институции*. М.: Юристъ, 1997. 368 с.
46. Brinz A. *Lehrbuch der Pandekten*. Bd. I. Erlangen: A. Deichert Verlag, 1879. 375 p.
47. Ландкоф С.Н. *Субъекты прав (лица)*. Научный комментарий ГК. Вып. III. М.: Изд. НКЮ РСФСР, 1928. 63 с.
48. Суханов Е.А. *Правовые основы предпринимательства*. М.: Волтерс Клувер, 2008. 588 с.
49. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
50. Грязин И.Н. *Право есть миф // Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2011. № 5 (298). С. 72–95.
51. *Постклассическая онтология права / Под ред. И.Л. Честнова*. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.

REFERENCES

1. David R, Joffre-Spinosi K. *Osnoyne pravovye sistemy sovremenosti*. Moscow: International Relationship, 1998. 400 p. (In Russ.).
2. Zweigert K, Koetz H. *Vvedenie v sravnitelnoe pravovedenie v sfere chastnogo prava*. Moscow: International Relationship, 1998. 480 p. (In Russ.).
3. Ennekzersur L, Kipp T, Wolf M. *Curs germanskogo grajdanskogo prava*. Vol. I. Part 1. Introduction. A common part. Moscow: Foreign Literature Publishing, 1949. 379 p. (In Russ.).
4. Sukhanov EA. *Tendenzii razvitiya korporativnogo prava v protivostoyanii anglo-amerikanskogo i continental'nogo evropeyskogo podhodov*. *Law and State*. 2015;3(68):87–93. (In Russ.).
5. Merkt H, Göthel SR. *US-amerikanisches Gesellschaftsrecht*. 2. Aufl. Frankfurt-a. M.: Recht und Wirtschaft Verlag, 2006. 925 p.
6. Gaetner MJ. *Reverse Piercing the Corporate Veil: Should Corporation Owners Have It Both Ways?* *William & Mary Law Review*. 1989;30(3):667–704.
7. Bainbridge SM. *Abolishing LLC Veil Piercing*. *University of Illinois Law Review*. 2006;(1):77–106.
8. Kraakman RN. *The Anatomy of Corporative Law: A Comparative and Functional Approach*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 282 p.
9. Macey J, Mitts J. *Finding Order in the Morass: The Three Real Justification for Piercing the Corporate Veil*. *Cornell Law Review*. 2014;100(1):100–155.
10. Ternovaya OA. *Otvetstvennost' yuridicheskikh liz v korporativnon prave: problemy i perspekiy*. *Journal of foreign legislation and comparative law*. 2017;(5):17–20. (In Russ.).

11. Timofeev IA. Doktrina prokalyvaniya korporativnoy vuali v USA. *Questions of Russian Justice*. 2019;(5):225–252. (In Russ.).
12. Chestnov IL. Pravovaya kommunikatsiya v kontekste postklassicheskoy epistemologii. *News of higher educational institutions. Pravovedenie*. 2014;5(316):31–41. (In Russ.).
13. Saurin AA. Zifrovizatsiya kak factor transformatsii prava. *Constitutional and municipal law*. 2019;(8):26–31. (In Russ.).
14. Kodjokar IP. Vliyanie nedostatkov na sudebnoe primenenie v epohu tsifrovizatsii prava. *Legal science*. 2019;(7):9–12. (In Russ.).
15. Vaskova MG. Problemy stanoleniyai realizatsii elektronnoy demokratii v elektronnom gosudarstve. *Russian legal journal*. 2010;4(73):47–50. (In Russ.).
16. Rawls J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. 435 p.
17. Habermas J. *Three Normative Models of Democracy. Democracy and Difference*. Ed. S. Benhabib. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 21–31.
18. Vasilevskaya LYu. Zifrovye prava kak novyj object grajdankih prav: problem juridicheskoy kvalifikatsii. *Household and law*. 2019;5(508):3–14. (In Russ.).
19. Abramova EN, Broginets AYu. K voprosu o ponyatiyah prava sobstvennosti i imyshestva v zifrovuyu epohu. *Household and law*. 2020;6(521):12–21. (In Russ.).
20. Nietzsche F. *Veselaya nauka. Polnoe sobranie sochinenij*. In 13 vols. Moscow: Publishing House «Cultural Revolution», 2014. V. 3. 640 p. (In Russ.).
21. Foucault M. *Slova i veshi. Arheologiya gumanitarnogo znaniya*. Saint-Petersburg: A-CAD, 1994. 407 p. (In Russ.).
22. Bell D. *Prihod post-industrial'nogo obshestva. Opyt sozial'nogo prognozirovaniya*. Ed. 2nd, copy. and add. Moscow: Academia, 2004. 944 p. (In Russ.).
23. Bourdieu P. *Raison pratiques. Sur la théorie de l'action*. Paris: Seuil, 1994. 245 p.
24. Liotar ZhF. *Situatsiya postmoderna*. Moscow; Saint-Petersburg: Institute of Experimental Sociology; Aleteia, 1998. 160 p. (In Russ.).
25. Agamben J. *Homo sacer. Chrezvychnoye pologenie*. Moscow: «Europe», 2011. 148 p. (In Russ.).
26. Heysinga J. *Homo ludens. Stat'i po istorii kul'tury*. Moscow: Progress — Tradition, 1997. 416 p. (In Russ.).
27. Humboldt V. *O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyaniy na duhovnoe razvitie chelovechestva. Selected works on linguistics*. Moscow: Progress, 1984. P. 37–300. (In Russ.).
28. Ivanov Vyach.Vs. *Lingvistika i gumanitarnye problem semiotiki. Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1968. T. XXVII. Vol. 3. P. 236–245. (In Russ.).
29. Bogdanova EV. *O nekotorykh aspektakh izucheniya termina idiolect v otechestvennoy i zarubegnoy lingvistike. Bulletin LSU. A.S. Pushkin*. 2009. T. 1. No. 4. P. 100–108. (In Russ.).
30. Kistyakovskiy BA. *Sotsial'nye nauki i parvo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshey teorii prava*. Moscow, 1916. 718 p. (In Russ.).
31. Petrazhitskiy LI. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti*. V. 1–2. Ed. 2nd, copy. and add. Saint-Petersburg: Type of Partnership “Ekateringof Printing”, 1910. 763 p. (In Russ.).
32. Stovba AV. *Temporal'naya ontologiya prava*. Saint-Petersburg: Aleph Press, 2017. 355 p. (In Russ.).
33. Smelzer N. *Sotsiologiya*. Moscow: Phoenix, 1994. 688 p. (In Russ.).
34. Gavrilova MS, Burina EA. *Telesnost' v epohu postmoderna. Aktual'nye problemy razvitiya lichnosti v sovremennom obshchestve*. Ed. DYa. Gribanova. Pskov: PskovSU, 2020. P. 10–16. (In Russ.).
35. Izvekov AI. *Problema lichnosti postmoderna: krizis kul'turnoy identifikatsii*. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2008. 246 p. (In Russ.).
36. Kantorowicz E. *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton: Princeton University Press, 1957. 584 p.
37. Anderson P. *Rodoslovnaya absolutistskogo gosudarstva*. Moscow: Publishing House «The Territory of the Future», 2010. 507 p. (In Russ.).
38. Bourdieu P. *O gosudarstve: Kurs lektsiy v Kollege de Frans (1989–1992)*. Moscow: Publishing House «Delo» of RANEPa, 2017. 720 p. (In Russ.).
39. Weber M. *Hozyaistvo i oibshestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii*. In 4 v. V. 1. *Sociology*. Moscow: Publishing House of High School of Economics, 2016. 448 p. (In Russ.).
40. Shutz A. *Izbrannoe: mir, svetyashisya smyslom*. Moscow: Rossman, 2004. 1056 p. (In Russ.).
41. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimension of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 244 p.
42. Arkhipov VV. *Deystvie pravovykh norm v zifrovom mediaprotanstve i semanticheskie predely prava. Laws*. 2019;63(1):8–27. (In Russ.).
43. Kozlova NV. *Ponyatie i such'nost' yuridicheskogo litsa: ocherk teorii i istorii*. Moscow: Statute, 2003. 318 p. (In Russ.).
44. Andreev VK. *Tendentsii razvitiya ponyatiya yuridicheskogo litsa. Problemy vzyskaniya ubytkov v rossijskom pravoporyadke*. Moscow: MAEP Publishing, 2016. P. 53–63. (In Russ.).
45. Gai. *Instituzii*. Moscow: Lawyer, 1997. 368 p. (In Russ.).
46. Brinz A. *Lehrbuch der Pandekten*. Bd. I. Erlangen: A. Deihert Verlag, 1879. 375 p.
47. Landkoff SN. *Subjekty prav (litsa). Nauchnyi kommentariy k Gragdanskomu kodeksu. V. III*. Moscow: NCJ RSFSR Publishing, 1928. 63 p. (In Russ.).
48. Sukhanov EA. *Pravovye osnovy predprinimatel'stva*. Moscow: Volkovs Clever, 2008. 588 p. (In Russ.).
49. Anderson B. *Voobragayemye soobshetva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow: Kanon-Press, Kuchkov Field, 2001. 288 p. (In Russ.).
50. Gryasin IN. *Pravo est' mif. News of higher educational institutions. Jurisprudence*. 2011;5(298):72–95. (In Russ.).
51. *Postklassicheskaya ontologiya prava*. Ed. IL Chestnov. Saint Petersburg: Aleteia, 2016. 688 p. (In Russ.).

ОБ АВТОРЕ

Николай Викторович Разуваев, доктор юридических наук, доцент; e-mail: nrasuvaev@yandex.ru

AUTHOR INFORMATION

Nicolay V. Razuvaev, doctor of law, extraordinary professor; e-mail: nrasuvaev@yandex.ru